

Высокая фигура Лян Шэня давила почти физически — он прижал человека к стене, не оставляя ни малейшего шанса вырваться. С него исчезла привычная сдержанная элегантность — рубашка была снята, на бёдрах лишь небрежно держалось полотенце. Обнажённая грудь, крепкая, рельефная, всё ещё была влажной — капли воды стекали вниз, цепляясь за старые шрамы, тянущиеся по коже. В нём без остатка проявлялась первобытная дикость и опасность, скрытая в самой сути мужчины.

Запястье Цзянь Шанвэня болезненно сжали — хватка была слишком сильной. Он не выдержал и тихо вздохнул, в голосе проскользнуло недовольство:

— Полегче. Это вообще-то моя рука, а не глиняная игрушка.

Взгляд Лян Шэня скользнул к его запястью. За золотой оправой очков его глаза слегка сузились, а голос стал мягким, почти ласковым:

— Я ещё днём заметил... синяк. Кто это сделал? Скажи — я его проучу.

Того, кто не знал Лян Шэня, вполне можно было бы обмануть этой показной заботой.

Но Цзянь Шанвэнь знал: стоит ему только признаться — и Лян Шэнь устроит ему настоящий ад.

Он встретился с этим опасным взглядом и понял — сейчас не время его злить. Потому ответил спокойно:

— Никто. Сам ушибся.

Лян Шэнь опустил взгляд на его запястье. Внезапно он наклонился — красивое лицо приблизилось почти вплотную, тёплое дыхание коснулось посиневшей кожи. Затем он поднял голову и улыбнулся:

— Мазь из «звёздной травы»... вещь редкая. Один флакон стоит столько, что можно на эти деньги купить квартиру на окраине. Кто это о тебе так заботится?

Улыбка оставалась мягкой, но белые зубы сверкнули, словно клыки ядовитой змеи.

Цзянь Шанвэнь невозмутимо ответил:

— Сам попросил у съёмочной группы.

Брови Лян Шэня слегка нахмурились.

— А нельзя? — Цзянь Шанвэнь, сдерживая боль от всё ещё сжатого запястья, поднял на него взгляд. — Я же ушибся на съёмках. Можно считать — производственная травма.

Лян Шэнь усмехнулся — в этой усмешке сквозила явная насмешка.

Но, по крайней мере, он перестал прижимать его к стене. Схватив Цзянь Шанвэня за руку, он небрежно швырнул его на диван. Движение выглядело почти ленивым, будто без усилия — но сила гонщика не могла быть слабой. Тело, отброшенное на диван, едва удержало равновесие.

В комнате царил полумрак, однако на фоне бледной кожи синяки на его длинном запястье выглядели особенно пугающе. Его поясница ударилась о подлокотник дивана, раздался глухой звук. Боль была резкой, но он не издал ни звука.

Лян Шэнь стоял на ковре, глядя сверху вниз — в его позе читались пренебрежение и ленивое превосходство.

— Сам раздевайся.

Цзянь Шанвэнь медленно приподнялся с дивана и спокойно сказал:

— Сегодня не получится.

На губах Лян Шэня появилась улыбка — вежливая, мягкая, почти благородная. Но те, кто знал его, понимали: это опасный знак.

— Хочешь, чтобы я сделал это сам?

Цзянь Шанвэнь поднял взгляд. Его лицо было бледным, и эта бледность лишь подчёркивала его яркую, почти ослепительную внешность, добавляя ей хрупкости. В уголках красивых персиковых глаз залегла лёгкая краснота, словно мазок лепестков, а голос звучал лениво, с едва заметной насмешкой:

— Через какое-то время съёмочная группа будет проводить голосование симпатий. Ты ведь ещё собираешься ухаживать за Вэнь Цзинем... уверен, что хочешь, чтобы они всё это увидели?

Лян Шэнь действительно нахмурился.

Но сегодня он явно решил не отступать — и отпустить его просто так не собирался.

Он широкими шагами подошёл к дивану и резко опустился рядом. Его крупное тело, полное сдержанной силы, почти сразу заняло всё пространство. Сняв очки, он равнодушно бросил:

— Ртом.

Цзянь Шанвэнь не пошевелился.

Лян Шэнь не торопился. Он повернул голову и посмотрел на него — и только теперь окончательно сбросил маску мягкости:

— Шанвэнь, ты что, так давно не был шл*хой, что забыл, как это делается?

Цзянь Шанвэнь откинулся на спинку дивана, медленно потирая запястье, и так же спокойно ответил:

— Я ещё зубы не чистил.

Он прекрасно знал, как вывести Лян Шэня из себя.

В прошлой жизни стоило ему хоть немного пойти против его воли — и ночь превращалась в настоящее испытание. Для окружающих Лян Шэнь казался человеком с идеальным характером, но Цзянь Шанвэнь умел всего парой слов разжечь в нём гнев.

И сейчас это тоже сработало.

Взгляд Лян Шэня потемнел, холод в глазах стал глубже, хотя улыбка на губах лишь расширилась. Он лениво откинулся на диване. Из-за близости он чувствовал сладковатый запах, исходящий от тела Цзянь Шанвэня — возбуждение уже тлело, но голос его оставался

неторопливым:

— Кажется, тот старик лежит в городской больнице, да?

Рука Цзянь Шанвэня на мгновение замерла.

Лян Шэнь чуть приподнял уголок губ:

— Говорят, аппарат, который может продлить ему жизнь, есть только там. Кстати, моя семья как раз собирается прикупить пару больниц... Ты ведь часто туда ходишь, малыш. Расскажи-ка мне — как там обстановка?

Цзянь Шанвэнь слегка удивился. В этой жизни, несмотря на то что они давно разошлись, Лян Шэнь всё равно знал, про старика.

В юности у него не было ни отца, ни матери. В доме тётки он терпел постоянные издевательства. Только добрый старик из соседнего переулочка иногда принимал его у себя. Когда кузен выгонял его на улицу в наказание и оставлял без еды, старик тайком подсовывал ему что-нибудь поесть. В снежные, промозглые зимы, увидев его, стоящего на пороге и дрожащего от холода, он впускал его внутрь — просто согреться.

Эти вещи, возможно, и не стоили больших денег.

Но в его жизни доброты было так мало, что даже такие мелочи становились бесценными.

Старик был уже в возрасте. Когда с ним случилась беда, его жизнь держалась лишь на аппаратах. Каждый месяц лечение обходилось в огромную сумму, и его собственные дети уже не хотели дальше закрывать эту бездонную дыру, собираясь отказаться от терапии. Цзянь Шанвэнь однажды пришёл в больницу — тогда он только что поссорился с Лян Шэнем и сам едва держался на ногах. Он прекрасно понимал, что ему не стоит вмешиваться, но всё же отдал почти все свои скромные сбережения, оплатив счёт.

Слова Лян Шэня звучали легко, почти небрежно, без всякой угрозы — но на сердце Цзянь Шанвэня они легли тяжестью в тысячу цзиней.

Он тихо вздохнул про себя.

Пока ещё не время... не время рвать всё окончательно.

Цзянь Шанвэнь поднялся с дивана и ткнул пальцем в халат Лян Шэня. Тот не отреагировал, лишь спокойно смотрел на него. На красивом лице не читалось ни радости, ни гнева — словно перед ним сидел человек, привыкший держать всё под контролем, скрытый владыка за кулисами.

— Лян Шэнь, — сказал он, — у тебя опять приступ гипогликемии?

Этот человек, в какое бы время ни был, всегда улыбался — так, что невозможно было понять его настроение. Даже когда ему было плохо, он не подавал виду. Лишь тот, кто хорошо его знал, мог уловить изменения — по давящей ауре и слишком резким, непривычным словам.

И правда.

Лян Шэнь лишь спокойно улыбнулся в ответ.

Цзянь Шанвэнь, словно и не рассчитывая услышать ответ, сунул руку в карман, нащупал что-то — и его бледная ладонь, на которой всё ещё проступали синяки, легла в руку Лян Шэня. Вместе с ней он вложил и конфету:

— Лимонная.

Единственный вкус и марка, которые тот признавал.

Лян Шэнь опустил взгляд. Прошло столько времени с их расставания, а Цзянь Шанвэнь всё ещё носил с собой его любимые конфеты. Лицо мужчины не изменилось, но давящая, тёмная аура вокруг него заметно ослабла.

Цзянь Шанвэнь огляделся:

— Где твой стакан?

Он неторопливо поднялся. Сначала достал из шкафа чашку, налил чай и поставил на журнальный столик. Затем подошёл к кондиционеру и сменил ледяную температуру на более комфортные двадцать пять градусов. После этого чуть приоткрыл окно, впуская в душное помещение свежий воздух.

В комнате воцарилась тишина.

Лян Шэнь сидел на диване, наблюдая, как человек перед ним спокойно и размеренно занимается делами. Цзянь Шанвэнь всегда был таким — неторопливым, но аккуратным и собранным. Раньше дома было так же: даже его холодная, безжизненная квартира преображалась, стоило Цзянь Шанвэню оказаться в ней — в ней появлялось тепло, движение, жизнь. Сам он был таким же: даже оказавшись в самых тяжёлых условиях, он постепенно приспособливался... и пускал ростки.

Этот дом когда-то был тем местом, где Лян Шэнь жил долгое время.

После ухода Цзянь Шанвэня он туда больше не возвращался.

Цзянь Шанвэнь поднял с пола брошенные лекарства. Он тихо всмотрелся в названия на упаковке — профиль его лица выглядел спокойным и мягким. Затем он спросил:

— Тебя вырвало от того риса, что приготовил Вэнь Цзинь?

Лян Шэнь разворачивал конфету. Услышав это, он лишь чуть приподнял взгляд, но ничего не ответил.

Цзянь Шанвэнь и не сомневался — этот человек ни за что не признается. В самой его природе была холодная лицемерная отстранённость. Раз он утверждает, что ему нравится Вэнь Цзинь, разве станет он признавать, что за его спиной заставил себя избавиться от его еды? Даже если и так, он никому не позволит узнать.

— У меня в чемодане есть немного печенья, — Цзянь Шанвэнь отложил лекарства. — Принесу.

Он хотел воспользоваться этим предложением, чтобы уйти.

Но мужчина на диване был слишком проницателен, чтобы этого не заметить. Цзянь Шанвэнь ещё не успел сделать и шага, как его схватили за руку — и в следующее мгновение он потерял

равновесие, тяжело рухнув обратно на диван.

Лян Шэнь навис над ним. В его насмешливых глазах мелькнула улыбка, а голос прозвучал мягко:

— Я разрешал тебе уходить?

Цзянь Шанвэнь не стал сопротивляться, лишь спокойно сказал:

— Если ты ничего не съешь, твоему желудку станет только хуже.

Он прекрасно умел не только злить Лян Шэня, но и успокаивать его.

И правда.

Лян Шэнь усмехнулся. Но стоило Цзянь Шанвэню в душе немного расслабиться, как его подбородок внезапно оказался в цепких пальцах — длинные пальцы сжали его, заставляя поднять взгляд. Голос мужчины оставался мягким, но в нём уже слышался холод:

— В твоём чемодане ведь не только печенье, верно?

Цзянь Шанвэнь ещё не успел ответить.

Взгляд Лян Шэня скользнул по нему — холодный и пронизательный:

— Я почувствовал запах сладостей из «Юньци» ещё в тот момент, как ты вошёл. В такое время... у какого ты только что побывал?

Цзянь Шанвэнь знал, что среди них Лян Шэнь — самый сложный противник. Но даже он не ожидал такой пронизательности.

Он мысленно вздохнул.

Похоже, миром это не закончится.

— Что? — Лян Шэнь усмехнулся, заметив, что тот не оправдывается. — Только не говори, что ты до сих пор не бросил соблазнять мужчин. Кто на этот раз? Дай угадаю... Фу Цзиньчэн не любит сладкое, Ци Янь тебя терпеть не может... значит, остаётся только Ло Чжие или Фэй Чэн?

Цзянь Шанвэнь не стал возражать.

— В семье Фэй строгие нравы, а Ло Чжие — из тех, кто не терпит ни малейшей грязи, — улыбка Лян Шэня стала ещё глубже, но в его глазах сквозило презрение. — Как думаешь, если они узнают, что ты — вещь, которой уже вдоволь наигрались... они взглянут на тебя, не испытывая отвращения?

Цзянь Шанвэнь не рассердился. В его глазах ясно отражалась фигура стоящего перед ним человека. Он моргнул и тихо переспросил:

— Говоришь остыл?

Лян Шэнь опустил на него взгляд.

Тогда Цзянь Шанвэнь обвил его шею длинными бледными руками. Словно невзначай он скользнул взглядом к часам на стене, а затем, понизив голос, наклонился к его уху — почти шёпот, похожий на дьявольское искушение:

— А мне почему-то кажется, что, господин Лян... ваш интерес ко мне совсем не угас.

Лицо Лян Шэня мгновенно изменилось. Они были слишком близко — сладковатый запах, исходящий от Цзянь Шанвэня, действовал, как лучший приворот. Он тихо выругался и потянулся к его одежде — пальцы уже собирались рвануть ткань, как вдруг, снаружи раздался стук в дверь.

Лян Шэнь нахмурился, недовольно посмотрев в сторону входа. Следом послышался знакомый всем голос:

— Лян, ты с Цзянем? Мне нужно его увидеть.

В комнате на мгновение повисла тишина.

Затем снова раздался мягкий, послушный голос Вэнь Цзиня:

— Лян, ты там?

Когда Лян Шэнь ответил, его голос уже был спокойным и тёплым, словно ничего не произошло:

— Что случилось, Вэнь Цзинь? Я уже собирался ложиться. Что-то случилось?

Вэнь Цзинь поспешно ответил:

— Н-ничего... Я просто заходил к Цзяню, но его в номере не было. Не мог бы помочь мне его найти?

Взгляд Лян Шэня резко стал острым и холодным, устремившись на человека перед ним.

Цзянь Шанвэнь всё так же улыбался. Его стройное тело лениво раскинулось на диване, красивое лицо чуть приподнято, дыхание касалось плеча Лян Шэня:

— Ах да, память у меня... Чуть не забыл. Кажется, мы договорились днём вместе поиграть.

<http://bllate.org/book/17232/1618726>